

ВАСИЛИЙ СЫРОВ*

НАРРАТИВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ**

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАРРАТОЛОГИИ

Получено: 15.06.2020. Рецензировано: 14.08.2020. Принято: 11.09.2020.

Аннотация: В статье предпринят анализ возможностей применения нарратологии к историческому познанию. Мы отметили, что она может быть использована в критическом и нормативном аспектах, а именно — быть связана с правомерностью использования тех или иных принципов организации текста и определить, как и какие достижения нарратологии могут способствовать развитию исторического познания. Показано, что для этого исторический нарратив следует распространить не только на репрезентацию событий и действий, но и на трактовку любых исторических объектов, а также необходимо определиться с решением проблем соотношения истории и литературы, нарратива и «исторической реальности». Было подчеркнуто, что источник их возникновения связан с эпистемологией эмпиризма и способствует формированию определенного нарративного формата. Предложено называть его нарративом повествовательного типа. Нами выдвинут тезис, что продуктивное обсуждение места и роли нарратологии требует радикальной смены нарративного формата. Утверждается, что историческое знание должно конституироваться нарративной структурой, в основе которой лежит выдвижение и доказательство гипотезы. Отмечено, что данная нарративная структура может выступить точкой отсчета для применения нарратологии. Пути применения показаны на примере структуры повествовательных инстанций, а именно способов использования фигуры нарратора. Мы показали, что наиболее типичным для нарратива повествовательного типа является использование имплицитного нарратора. Отмечено, что фигура такого нарратора фактически становится способом снятия ответственности с автора. Также обсужден вопрос о возможности использования ненадежной наррации, показаны пути ее опознания в историческом нарративе. В заключение отмечены пути применения нормативной функции нарратологии. Ее реализация связана с использованием фигуры эксплицитного нарратора и его трактовкой как необходимого условия создания исторического нарратива.

Ключевые слова: исторический нарратив, нарратология, автор, нарратор, имплицитный нарратор, ненадежная наррация.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-113-135.

* Сыров Василий Николаевич, д. филос. н., профессор, философский факультет Томского государственного университета (Томск), narrat@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-5498-4610.

** © Сыров, В. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00421).

В своей программной статье, как известно, Лоуренс Стоун провозгласил возрождение нарратива в историческом познании. Автор связал возвращение к нему — неудачи т. н. «научных подходов» к истории, связанных с применением экономического подхода, заимствованного у марксизма, установок французской школы Анналов (третьего поколения) и американской «клиометрии». Характерные черты «нарративной истории» им были выражены в следующих тезисах: она носит более дескриптивный, чем аналитический характер и фокусируется на человеке, а не на окружающих его обстоятельствах. По сути, фиксация этих свойств отразила те существенные аспекты прошлого, которые, по мнению Стоуна, были упущены в вышеупомянутых «научных подходах». Он, естественно, указал на отличия новой нарративной истории от традиционного нарратива, среди которых стоит отметить актуализацию роли аналитических процедур и влияние современных литературных жанров, и столь же заботливо выделил те трудности, которые могут возникнуть на пути возрождения нарратива (Stone, 1979: 3–24).

Судя по всему, Стоун связывал поворот к нарративу с актуализацией определенной тематики, относящейся к истории индивидуальных действий и событий, и полагал, что нарративный формат является наиболее уместным для ее подачи. Несколько позднее Франклин Анкерсмит в своей примечательной работе «Нарративная логика» (1983 г.) отметил, что не видит оснований, по которым нарративной историографии не может быть позволено выходить за рамки изучения интенциональных человеческих действий. Он подчеркнул, что в ее компетенции находится изучение вопросов о том, как историки объединяют большое количество исторических фактов в одно синтетическое целое (например, в «промышленную революцию» или «холодную войну») (Анкерсмит, Гавришина и Олейников, 2003: 26). Поль Рикер в своем фундаментальном труде «Время и рассказ» (Рикер, Славко, 1998) достаточно убедительно показал, что даже обращение к сущностям типа государства, класса, культуры, античности, Возрождения и т. д. не исключает возможности описывать их в терминах события или интриги, традиционно связываемых с нарративностью (там же: 228–238). Рикер, правда, называл их квази-событиями и квази-интригой, поскольку, с одной стороны, они выходят за границы пространства и времени жизни отдельных индивидов, но, с другой стороны, сохраняют структурное сходство с событием и интригой. Благодаря этим трудам и работам других нарративистски ориентированных авторов становилось возможным в целом рассматривать историю как одну из форм наррации, а нарративизацию — как

общий способ превращения прошлого в историю. В итоге становится ясно, что к настоящему времени для большинства теоретиков истории (Манслоу, Анкерсмит, Рюзен и т. д.) тезис о нарративной форме исторического знания как такового стал общепринятым, причем нарративизации (особенно конструктивистски настроенными авторами) стал приписываться конститутивный статус, обеспечивающий превращение прошлого (или совокупности свидетельств) в историю. Иначе говоря, «концепт нарратива внутри современной теории истории является эпистемологическим концептом» (Fulda, 2008: 174).

К настоящему времени сам термин прочно вошел в словарь уже не только философов истории или методологов, но и самих историков. Но вот перевернул ли он что-либо в их работе? Если судить по контексту употребления, то иногда создается ощущение, что либо историки всегда писали нарративы, только не использовали новомодный словарь, либо нарративы по-прежнему просто отражают традиционные форматы подачи прошлого, о чем предупреждал тот же Стоун. Поэтому представляется, что вопрос о роли нарратива как исследовательского метода, а не риторического приема, остается в силе. Полагаем, что постановка и обсуждение этого вопроса невозможны без обращения к достижениям такой дисциплины, как нарратология. Таким образом, в данной статье предполагается обсудить вопросы, связанные с тем, каким исторический нарратив должен быть, чтобы сохранить или реализовать свою эвристичность, и предложить набросок тех достижений нарратологии, которые возможно использовать на этом пути. Развивая данную тему, мы выдвигаем тезис, что продуктивное использование тех или иных наработок нарратологии возможно только благодаря радикальному пересмотру структуры исторического нарратива.

Почему нарратология? Она возникла в конце 60-х гг. XX в., и первоначально приоритетным объектом ее анализа и основным источником построения теории нарратива являлась литературная продукция. Однако с момента своего возникновения нарратология претерпела ряд трансформаций и модификаций. В частности, многие нарратологи считают возможным говорить о «классическом» и «постклассическом» этапах ее развития и в качестве одной из существенных черт «постклассической» стадии подчеркивать ее интердисциплинарный характер (см. например, Rimmon-Kenan, 2002: 149–150). К настоящему времени нарратология является вполне устоявшейся самостоятельной исследовательской дисциплиной, трактуемой как теория нарратива с более-менее определенным набором специальных тем и проблем, списком классиков

жанра и даже достаточно внушительным перечнем учебных пособий. Как и всякая теория (или комплекс теорий), нарратология движется от частного к общему. Расширение объектов исследования (кино, пресса, психология, историография и т. д.) для неё является источником построения и развития теории, хотя современные нарратологи подчеркивают, что обращение к выявлению специфических свойств нарративов в той или иной сфере культуры предстает одной из сущностных черт постклассического периода. Такое понимание нарратологии предполагает, во-первых, осознание ее автономии как исследовательской дисциплины, несводимой к другим; во-вторых, различие процедур создания теории и ее применения. Последнее тогда будет более связано с потребностями той исследовательской области, к которой достижения нарратологии могут быть применены. В-третьих, общий вопрос о роли нарратива в историческом познании может приобрести более конкретный характер, а именно как вопрос о том, какие аспекты теории нарратива могут быть актуализированы профессиональным сообществом историков.

Резонно предположить, что достижения нарратологии могут быть использованы в двух исследовательских направлениях: критическом и нормативном. Что касается первого, суть такого применения заключается в утверждении, что возражения и претензии, предъявляемые авторам исторической продукции, могут быть связаны не только с упреками в релевантности источниковой базы (что рассказывается), но и с сомнением в продуктивности используемых ими принципов (как правило, имплицитных) организации текста, например, способами использования времени, типами нарратора, жанрами и т. д. (как рассказывается). Что касается второго (нормативного), речь идет о том, как и какие достижения нарратологии могут способствовать развитию исторического знания и познания.

Если говорить о реализации критической функции, то полагаю, что для ее осуществления историческому познанию стоит освободиться от определенного наследия, связанного с темой соотношения истории и нарративности, а именно с определенной трактовкой природы исторического нарратива. Она нашла свое выражение в двух проблемах, традиционно относимых к области философии истории. Это, прежде всего, весьма почтенная (идущая еще от Аристотеля) проблема соотношения истории и литературы и, во-вторых, проблема соотношения нарратива и «исторической реальности». Отметим еще раз, что основанием для их объединения будет являться определенная интерпретация исторического нарратива.

Проблема соотношения истории и литературы была, как известно, реанимирована в трудах Хайдена Уайта. В несколько упрощенной форме его основная мысль заключалась в следующем тезисе: «Какую конфигурацию придать данной исторической ситуации будет зависеть от утонченности историка в сочетании специфической сюжетной структуры со списком исторических событий с целью осмыслить их особым образом. По существу, это есть литература, т. е., так сказать, операция по созданию фикции» (White, 1978: 48). Проблема соотношения нарратива и «исторической реальности» (или проблема референции) нашла свое выражение в известной фразе американского исследователя Луиса Минка: «Истории не проживаются, но рассказываются. Жизнь не имеет начала, середины и финала» (Mink, 1987: 60). Имплицитное, как правило, убеждение о бытии истории в нарративной форме он назвал «нерассказанной историей». С этой позиции задача историка заключалась в том, «чтобы открыть такую нерассказанную историю или часть ее и пересказать пусть в сокращенной или отредактированной форме» (ibid.: 188). Оппонентом данного подхода выступил известный американский исследователь Дэвид Карп, который вполне справедливо подчеркнул, что сведение нарративной структуры только к области исторических и художественных текстов будет либо выполнять эскапистскую функцию (функцию «бегства» от действительности), либо стремиться «навязать моральное видение реальности в интересах господства и манипуляции» (Carr, 1991: 15–16). Обе проблемы, породившие соответствующие подходы, как известно, обрели достаточное число сторонников и противников и вполне богатую традицию обсуждения.

Рискнем утверждать, что в большинстве случаев историк вряд ли рефлексирует по поводу наличия или значимости этих проблем. Самый распространенный формат, в котором он действует, представляет собой работу с источниками и свидетельствами на уровне как статей, так и монографий, где само содержание материала, язык описания, а уж тем более используемые жанры вряд ли подталкивают к размышлениям по поводу сходств и различий между историей и литературой, а типичное использование в создаваемой продукции фигуры имплицитного безличного нарратора, который зачастую бессознательно воспринимается как стандарт написания исторического текста, свидетельствует либо о столь же бессознательной вере в существование «нерассказанных историй», либо неявно подталкивает к ней.

Понятно, что не столь высокая степень рефлексии по этому поводу в профессиональном сообществе историков, обусловленная, помимо прочего, тем, что их повседневная практика, как правило, не провоцирует их к актуализации вышеописанных проблем, не является аргументом для отрицания как факта их наличия, так и факта значимости их обсуждения и выработки продуктивных путей решения для самого сообщества историков. Хотя резонно утверждать, что обсуждением вопросов, связанных с проблемами соотношения как истории и литературы, так и нарратива и «реальности», в большей степени занимаются методологи или философы. Как следствие, правомерно полагать, что недостаточное внимание к этим вопросам поддерживает сохранение тех форматов, в которые зачастую упаковывается или может упаковываться историческая продукция и которые, в свою очередь, остаются основанием для периодической актуализации вышеописанных проблем.

Как уже отмечалось выше, нетрудно заметить, что объединяет обе рассмотренные проблемы сохраняющееся в той или иной мере в профессиональном сообществе убеждение в правомерности использования определенного формата исторического письма. Формат этот по сей день передается по традиции, в частности, через требования, явно или неявно предъявляемые сообществом к написанию квалификационных сочинений всякого рода и уровня (от дипломных работ до докторских диссертаций). Можно назвать его нарративом повествовательного типа или традиционным нарративом. Резонно ожидать, что он будет обладать определенными чертами или тяготеть к ним: прежде всего, такой нарратив предстает чаще повествованием или описанием, чем рассуждением с последовательностью доказательств того или иного тезиса. Соответственно, он будет стремиться к тематической или хронологической организации текста. Организовывать текст тематически — значит подавать его в виде совокупности и последовательности утверждений или положений, которые предполагают их развертывание (например, сначала про это, потом про то) и в которых используемый эмпирический материал более выглядит как иллюстрация тех или иных положений, чем их доказательство, а полнота доказательной части зачастую сводится к обилию ссылок на источники. Писать на тему, иначе говоря, значит пытаться создать нарратив, «корректно сообщающий всякую мало-мальски ценную информацию, содержащуюся в архивах по тому или иному аспекту прошлого» (Анкерсмит, Гавришина и Олейников, 2003: 83). По сути, данный подход строится на убеждении, что те или иные вещи объективно имели место в прошлом и осталось лишь в тексте вывести

их на свет. В реализации такого нарративного формата проявляется сохранение представления о том, что писать истории — значит воссоздать какой-то отрезок прошлого, поэтому тематически организованные тексты предстают своеобразными эксплицированными фрагментами нерассказанной истории. Если же полагать, что любой нарративный формат выполняет не орнаментальную, а конститутивную функцию, то можно утверждать, что самой своей организацией традиционный нарратив будет блокировать новаторские возможности и потребности исследователя. Если сказать более категорично, то он будет форматировать не только текст, но и направление мысли исследователя.

На этом этапе рассуждений основной наш тезис заключается в утверждении, что источник стирания граней между историей и литературой и сохранения представлений о «нерассказанной истории» (или, наоборот, скепсиса по поводу места и роли нарративизации исторического знания) лежит не в их действительном сходстве, не в имманентно присущих исторической мысли чертах и уж тем более не в имманентных свойствах самого прошлого, а в сохраняющейся концепции исторического знания и теории познания, лежащей в ее основе.

Резонно предполагать, что в основе формата, названного нами традиционным или нарративом повествовательного типа, лежала и лежит эпистемология, которая строилась на убеждении сенсуалистов (эмпиристов) в существовании некоторых элементарных, далее неделимых единиц, непосредственно данных в опыте. В исторической мысли эта программа выразилась в доверии к т. н. первоначальному свидетелю (как наиболее достоверному источнику) и в убеждении, что история — это, в сущности, сумма фактов (или должна таковой быть), которую надлежит не столько доказать, сколько связно передать (Коллингвуд, как известно, называл такую программу «историей ножниц и клея»). Очевидно, что при таком подходе всякая попытка выстроить связь, выходящую за пределы хронологической связи, между данными фактами грозила стереть и без того хрупкую грань (хрупкость, порожденную рассматриваемой эпистемологией) между истиной и вымыслом. Понятно тогда, почему на любое целостное и связное повествование, созданное на основе какой-либо идеи, навешивался ярлык вымысленности. Этим объясняется сохраняющаяся осторожность профессионального сообщества к тем исследовательским практикам, которые им воспринимались как гипотезы по поводу эмпирического материала или его интерпретации, поскольку они трактовались как отрыв от фактов —

гарантии надежности в восприятии сторонников такого понимания сути исторического познания.

Не останавливаясь подробно на аргументации выдвинутых тезисов, полагаю, что перспективный путь решения этих давних проблем заключается не в призыве более интенсивно использовать современные литературные эксперименты, рассказывать истории с разных точек зрения, эксплицировать роль нарратора и т. д. (см.: например, Burke, 2001: 308–315) и не в реализации тезиса Карра, что «действительное различие между „искусством“ и „жизнью“ состоит не в противопоставлении организации хаосу, а в отсутствии в жизни такой точки зрения, которая трансформировала бы события в историю рассказом о них» (Carra, 1991: 59), что предполагает трактовку текстуальных нарративов как расширение и без того нарративно организованного человеческого бытия.

Считаю, что предложенный способ решения должен, с одной стороны, соответствовать стандартам исследовательской деятельности, которые историческое знание в состоянии реализовать, а с другой стороны, критериям нарративности, которые к настоящему времени тоже приобрели достаточно стандартизированный облик. Если говорить о требованиях реализации принципов исследовательской деятельности, то Алан Мегилл выразил столь же распространенное убеждение профессионального сообщества:

...Информация становится свидетельством, когда используется в качестве аргумента, который старается показать, что используемая информация поддерживает или опровергает некоторое утверждение. Идеологически ориентированный историк избегает задавать вопрос: «Как выдвигаемое мною утверждение может быть доказано или опровергнуто?» (Megill, 2007: 11).

Резонно полагать, что аргументативность подобного рода должна выступать одним из принципов организации исторического текста, а не его побочным элементом, которым можно пожертвовать в угоду плавности и гладкости изложения содержания и который ставит проблему сочетания повествовательности и доказательности (см.: например, Gallie, 1964: 65).

С другой стороны, австрийский нарратолог Моника Флюдерник, критикуя структуралистские версии нарратива, неоднократно подчеркивала, что репрезентацию человеческого опыта следует считать центральной целью нарратива (Fludernik, 1996: 37). Следуя за автором, можно

отметить, что такую репрезентацию надлежит полагать не отражением вненарративных форм бытия, а имманентной чертой организации человеческого опыта, который, кстати, как она отмечает, может быть представлен в разнообразных формах (Fludernik, 1996: 37). Если выражать эту мысль категоричнее: трактовать какие-либо акты как опыт и значит выстроить их в виде нарратива. Знание и познание соответственно можно рассматривать как одну из форм организации или выстраивания такого опыта.

Можно утверждать, что диалектическим синтезом сформулированных выше критериев стала бы структура, конституированная проблемой — гипотезой (следствиями из гипотезы) — последовательностью доказательств. Если связывать ее с традиционными критериями нарративности, то наличие темпоральной организации и таких ее структурных элементов, как, к примеру, начало — середина — финал или экспозиция — завязка — кульминация — развязка, в ней кажется вполне очевидным, только задаваться они будут не хронологией, а логикой постановки и решения задачи. Так, функцию экспозиции может взять на себя историографический анализ; функцию завязки — а видимо, и интриги — демонстрация ограниченности и неполноты взглядов предшественников; функцию кульминации — авторская гипотеза; ну а функцию развязки — экспликация серии аргументов (как правило, в виде интерпретации релевантных источников) с целью ее верификации.

Здесь стоит оговорить статус предложенной нарративной структуры. Конечно, сама по себе она не специфицирует историческое познание, поскольку может быть использована в любой сфере исследовательской деятельности. С другой стороны, она не является имманентно присущей научному познанию, поскольку представления о нормах и стандартах научной работы также менялись. Видимо, Карлу Попперу следует отдать приоритет в проработке и развитии такой версии научного знания:

Смелые идеи, неоправданные предвосхищения и спекулятивное мышление — вот наши единственные средства интерпретации природы, наш единственный органон, наш единственный инструмент ее понимания. И мы должны рисковать для того, чтобы выиграть. Те из нас, кто боится подвергнуть риску опровержения свои идеи, не участвуют в научной игре (Поппер, Садовский, 1983: 228).

Также стоит отметить, что и с позиций самой нарратологии данную структуру резоннее трактовать как один из возможных нарративных форматов, а не как сущностную черту любого нарратива. Собственная

задача нарратологии заключается скорее в обосновании нарративного статуса вышеописанной структуры и определении ее эвристических возможностей для ее собственных нужд. Например, мы можем исследовать варианты прочтения с позиций такого нарративного формата традиционных тем нарратологии (структуры повествовательных инстанций, соотношения автора и нарратора и т. д.). Поэтому речь идет не столько об оригинальности предложенной структуры или чьей-либо монополии на ее разработку и применение, сколько о превращении ее в принцип и рутинный формат исторического мышления и организации продуктов его деятельности — исторических нарративов.

Но можно утверждать, что представленный в таком формате исторический нарратив никакого отношения не имеет к литературе и не дает оснований проведения каких бы то ни было параллелей с ней. Конечно, некто в духе Борхеса мог бы создать текст, имитирующий вышеописанную структуру, но она не стала бы принципом организации литературных жанров. Естественно, что предложенный формат не отрицает роли фантазии, метафор, композиции, но они обретают функцию эпистемологическую, а не риторическую. Фантазия принимает облик воображения, а не вымысла. Но воображение является в данном случае сутью любой гипотезы, какой бы предельно эмпирической она ни была. Метафора выступает неотъемлемым способом формулировки новизны и оригинальности гипотезы. Композиция становится способом организации последовательности доказательств, формируя порядок изложения и отбор содержания и объема излагаемого по степени вклада в решение проблемы. Можно сказать, что в таком контексте предложенный формат становится не просто вариантом модификации традиционных исторических нарративов, а способом «снятия» самой проблемы сопоставления истории и литературы.

Важный момент, как нам представляется, заключается в способности данного формата упаковать любой исторический объект без ущерба для его идентичности. Ведь автор оформляет в нарратив не чуждый ему мир, а процесс и результаты своей собственной деятельности. Поэтому структуры, процессы, действия, события, типичное, уникальное, локальное, масштабное могут быть представлены в нем, ничего не теряя. Этот тезис позволяет другими глазами посмотреть на проблему соотношения нарратива и «исторической реальности». Для радикального конструктивиста данный формат вступает также способом «снятия» самой этой проблемы, поскольку для конструктивиста история возникает только в трудах самих историков, а данная структура нарратива

прямо указывает на вид знания. Но и для реалиста данный формат сам по себе не может предстать прямым отражением или репрезентацией «нерассказанной истории», даже если в виде гипотезы будет высказан тезис о природе самой такой реальности.

В качестве предварительного вывода можно утверждать, что предложенная структура исторического нарратива будет выступать точкой отсчета в определении вклада нарратологии в историческое познание, а точнее, в конкретизацию критической и нормативной функций в реализации данного вклада. Иначе говоря, именно с позиций такого нарративного формата мы будем определять эвристическую ценность для исторического познания тех или иных тем, входящих в состав объекта интереса самой нарратологии. Еще раз скажем предварительно, что, говоря об историческом познании, мы будем иметь в виду работу обычного историка, которая воплощается в совокупности статей и монографий, как правило, эмпирически ориентированных и не содержащих масштабных обобщений. Поэтому вопрос о роли нарратологии в осмыслении теоретических и философских вопросов перенесем на финал наших рассуждений.

Если говорить о значении нарратологии в вышеописанном контексте, то оно может заключаться в возможности: а) открыть новые аспекты осмысления (подразумевая под такими аспектами не только критический анализ, но и определение направления создания) исторических нарративов как продуктов работы профессионального сообщества, выходящих за пределы обсуждения полноты источниковой базы. Иначе говоря, применение нарратологии обеспечивает более богатую палитру осмысления исторических текстов; б) предоставить конкретные методологические направления такого осмысления, а именно — что и как использовать.

Вопрос о вкладе нарратологии резонно начать с довольно стандартной темы, а именно структуры повествовательных инстанций или коммуникативных уровней. Традиционная модель представлена, как известно, следующей структурой: реальный автор — подразумеваемый автор — нарратор — фокализатор — фокализуемый (или имплицитный зритель) — наррататор — подразумеваемый читатель — реальный читатель. Начнем с того, что, следуя завету Ролана Барта: «кто говорит (в самом повествовательном произведении), — это не тот, кто пишет (в реальной жизни), а тот, кто пишет, — это не тот, кто существует» (Барт, Косиков, 2000: 221), под автором будем понимать автора подразумеваемого и извлекаемого (из текста). На первый взгляд, результаты применения такой

модели для исторического познания будут выглядеть весьма скромными. Даже если, как принято считать, автор отвечает за замысел, а нарратор — за его реализацию, то необходимость различения автора и нарратора в историческом дискурсе кажется ненужной и надуманной. Причина в том, что, как первоначально представляется, эпистемология не предоставляет автору такого разнообразия возможностей и приемов как литературная деятельность. Цель получения истины, говоря классическим языком, требует — и это закреплено профессиональной этикой — только рациональной аргументации, а не риторики. Для исторического познания она, как правило, носит эмпирический характер, а способы представления аргументации тяготеют к однообразию, в том числе и в том, что касается как характеристик нарратора, так и самой необходимости его отличия от автора.

Но это только на первый взгляд, к тому же при сохранении убеждения, что природа исторического дискурса не изменилась. Но уже выше мы предложили различать два типа исторических нарративов, что дает основания начать с реализации критической функции нарратологии в том, что касается результатов применения структуры повествовательных инстанций по отношению именно к традиционному нарративному формату. В осуществлении этой процедуры можно оттолкнуться от рассуждений Барта о месте и роли нарратора в историческом тексте (правда, сам Барт это термин не употреблял в цитируемом ниже фрагменте). Хотя объектом его анализа были великие тексты великих историков прошлого, но идеи французского мыслителя, как представляется, не утратили своего значения и по сей день по отношению к оценке обычной работы современного историка.

Примечательным является замечание Барта о том, что «исторический дискурс не знает отрицания» (Барт, Зенкин, 2003: 435). Иначе говоря, для нарративного формата традиционного типа характерной будет организация материала не как дискуссии с оппонентами по поводу убедительности той или иной гипотезы, а как изложения так сказать самой исторической действительности. Такой подход предполагает скорее описание, а не рассуждение; повествовательность, а не доказательность. Поэтому «подвергается радикальной цензуре акт высказывания (ощущение которого единственно и делает возможным негативное преобразование), происходит сдвиг всего дискурса к самому высказыванию и даже (в случае историка) к референту; взять на себя ответственность за высказывание некому» (там же). Другими словами, для вышеописанного

нарративного формата характерно отсутствие (или малое использование) маркеров акта высказывания типа «логично предположить», «по-нашему (или моему) мнению данные аргументы не убедительны, потому что...», «следовательно», «наша гипотеза подтверждается тем-то и тем-то» и т. д. Если же подобные моменты и имеют место, то выглядят разрывом в плавном течении повествования.

В итоге результат деятельности историка подается как «продукт так называемой референциальной иллюзии, поскольку историк здесь делает вид, будто предоставляет говорить самому референту» (Барт, Зенкин, 2003: 432). С точки зрения нарратологии это означает использование фигуры имплицитного, безличного, но всеведущего и вездесущего нарратора. Иначе говоря, предполагается, что слово как бы дается самим фактам, предоставляя истории течь самой по себе, в чем и воплощается требование писать, как было на самом деле. Поэтому не случайно, что такое описание превращается в осознанное намерение избегать употребления интерпретативных и объяснительных процедур, поскольку они явно демонстрируют присутствие субъектности, а в трактовке сторонников использования традиционной наррации — субъективности историка.

Следовательно, продукт, порожденный таким повествовательным форматом, страдает монологичностью и существует как бы в вакууме, поскольку, как правило, лишен знаков дискуссионности, полемичности, репрезентации собственных аргументов, а значит, включенности в диалог с предшественниками и последователями. Как минимум такое положение дел усложняет решение вопроса о выборе и предпочтении одной версии исторического нарратива другой. Сокрытием меток присутствия рассказчика такой нарратив создает у читателя только иллюзию объективности, но в действительности становится производителем мифов и идеологических иллюзий. Говоря мягче, он беззащитен перед экспансией идеологических или мифологических толкований. В итоге в осуществляемой последовательности изложения трудно различить, где собственно авторский вклад, а где повторение сделанного предшественниками, где информация, значимая для раскрытия вопроса, и чем можно пренебречь. Именно поэтому в таком повествовании не на кого возложить ответственность за всю совокупность сделанных высказываний.

Вопрос о такой ответственности можно рассматривать как рефлексивный сдвиг от фигуры нарратора к фигуре автора, а использование фигуры имплицитного нарратора — как способ автора снять с себя

ответственность. Этот сдвиг позволяет актуализировать еще один аспект темы структуры повествовательных инстанций, а именно вопрос о ненадежном нарраторе. Как известно, эта идея была выдвинута американским литературоведом Уэйном Бутом и характеризовала ситуацию несовпадения норм, исповедуемых нарратором, с нормами подразумеваемого автора (Booth, 1961: 158–159). Еще один шаг, который по праву можно считать наиболее значимым вкладом в этом направлении после Бута, был сделан немецким нарратологом Ансаром Нюннингом, отметившим, что ненадежная наррация зависит не только от дистанции между нормами и ценностями нарратора и автора, но и от различия между мирами нарратора и читателя (Nünning, 2005: 95). Иначе говоря, ненадежность может опознаваться читателем, но не осознаваться автором. Такой подход к идентификации ненадежности был обозначен как когнитивистский в противовес традиционному риторическому подходу.

Опять-таки на первый взгляд может показаться, что эта тема в целом относится только к области литературы и трактуется как одна из авторских стратегий для усиления эстетического эффекта. Используя бартовскую метафору, можно сказать, что здесь автор как бы «подмигивает» читателю за спиной нарратора. Более пристальный взгляд, однако, может показать, что и в исследовательских текстах такая ситуация может иметь место, в частности, когда окружающая среда (тип политического режима, нормы научного сообщества и т. д.) не позволяет автору открыто выразить свою позицию (в качестве примера можно обратиться к работам советского периода, посвященным критике буржуазной историографии; понятно, однако, что каждый такой случай требует специального анализа, ибо автор в качестве оправдания может задним числом так представить свой текст).

Рискнем утверждать, что подход Нюннинга открывает в данной теме новые перспективы, которые можно применить к анализу исторического текста. Прежде всего, он позволяет в новом свете говорить о когнитивном аспекте темы ненадежной наррации. Этот аспект будет заключаться не в определении роли читателя, хотя наличие этой позиции в лице члена профессионального сообщества следует полагать необходимой при определении надежности анализируемой продукции (истинности в традиционной терминологии) и принятии конструктивистского подхода (поскольку референтом будут выступать другие тексты, а не «историческая реальность»). Речь идет об эпистемологической функции ненадежной наррации, а именно об ее роли в приращении

знания. Во-вторых, взгляд с позиции читателя, позволяет иначе представить взаимоотношения автора и нарратора. Риторический подход, как правило, требовал от читателя вставать на позицию автора. Но мы можем представить ситуацию, когда эмпирический материал может выйти из-под контроля автора и фактически предстать либо дополнением, либо отрицанием его установок. Это дает нам — читателям — возможность и право встать на позицию рассказчика.

Несовпадение позиций автора и нарратора, зафиксированное читателем, может открыть новые пути в анализе исторических текстов. Ключевая мысль, развиваемая Нюнингом, заключается в утверждении, что проблема ненадежной наррации не может быть решена только на основе анализа внутритекстуальных данных и требует принимать во внимание те концептуальные внетекстуальные предпосылки, которые читатель и критик привносят в тексты (Nünning, 2008: 45). Поэтому Нюнинг предлагает достаточно развернутую методологическую модель опознания ненадежной наррации: от принятых допущений о природе так называемого реального мира до моделей жанров (*ibid.*: 47–48). Представляется, что данную модель можно использовать для критического анализа исторических нарративов. Подход Нюнинга предполагает, что ситуация ненадежности опознается читателем (прежде всего членами профессионального сообщества) при убежденности автора в правомерности используемых целей и средств. Можно сказать, что такое опознание ненадежности будет строиться на умении критика показать расхождение авторского намерения (цели) и реализованных средств (к числу которых и относится использование нарратора).

Некоторый набросок модели такого анализа мог бы выглядеть следующим образом. К внутритекстуальным способам опознания ненадежности можно было бы отнести т. н. ненадежность на уровне истории или сомнение в надежности представленной картины прошлого и ненадежность на уровне дискурса, а именно сомнение в характере использования источников (то, что обычно характеризуется в терминах односторонности, поверхностности, неполноты и т. д.), упрек в скрытом использовании риторических приемов как аргументов в доказательстве.

Далее, следуя методологии Нюнинга, мы можем говорить о несовпадении миров нарратора и читателя или ненадежности на уровне метанаррации. Такая ненадежность, во-первых, была бы связана с трактовками тех или иных аспектов прошлого, которые в конкретном тексте выступали бы в качестве имплицитного контекста. Кроме того, такая ситуация предполагала бы искреннее признание (после критики коллег)

автором ненадежности контекста, реализованного используемым им типом нарратора. Очевидно: если бы автор продолжал утверждать, что именно такую трактовку прошлого он считает правильной, то использование аргумента ненадежности не имело бы смысла.

Во-вторых, ненадежность могла бы опознаваться на уровне критического анализа используемых форматов исторического нарратива. Питер Берк, как уже отмечалось выше, полагал, что обращение историков к осмыслению новых литературных форм ясно показывает, что старые формы неадекватны для новых целей и что эксперименты, спровоцированные современной литературой, могут открыть новые решения проблем, с которыми историки борются уже длительное время (Burke, 2001: 308–315). Такие призывы были весьма популярны некоторое время назад, особенно в литературе, посвященной теоретико-методологическим вопросам исторического познания. Теперь задним числом рискуем утверждать, что подобного рода призывы и попытки их реализации могут быть квалифицированы как ситуация ненадежной наррации или, образно говоря, как попытка влить молодое вино в старые мехи.

Отдельные вопросы, которые выходят за пределы использования такого критического аргумента, как ненадежная наррация, будут связаны, во-первых, с правомерностью использования явных или скрытых (как правило моральных) оценок, употребление которых обычно входит в список характеристик нарратора (Шмид, 2003: 68); во-вторых, с использованием такого структурного (хотя и спорного в самой нарратологии) уровня, как фокализация. Фокализация, как известно, предполагает постановку вопроса, чьими глазами видится описываемый мир. Призыв использовать разные точки зрения для описания прошлого стал достаточно популярным в исторической литературе и даже подается в качестве одной из продуктивных исследовательских стратегий, особенно в ситуации конфликта интерпретаций, порожденного социально-культурными, классовыми, национальными и иными различиями (см. например: Bevernage, 2018: 76–80). Требование предоставить право голоса тем, кто был его лишен или чье мнение не считалось достойным учета, также достаточно распространено в современной исторической литературе (см. например: Wyschogrod, 2004: 28–44). Соответственно, дискуссии о характере моральной вовлеченности историка и о его статусе как судьи, адвоката или следователя также стали имманентной частью современного исторического дискурса.

Полагаю, что обращение к данным темам можно считать переходом от критической к нормативной функции нарратологии в историческом познании. Мы можем связать ее реализацию с использованием фигуры нарратора от первого лица и трактовать такого нарратора не как факультативное, а как необходимое условие создания исторического нарратива. Выше уже было отмечено, что продуктивная реализация фигуры рассказчика такого типа видится возможной именно в контексте нарративной структуры, конституированной проблемой — гипотезой — доказательством гипотезы. Понятно, что формулировка гипотезы немыслима без нарратора, позиционирующего себя как Я или Мы. Понятно также, что в историческом (да и научном в целом) дискурсе фигура такого нарратора является наиболее приемлемым способом взять на себя ответственность за те или иные высказывания.

И наконец, использование нарратива исследовательского типа — это хороший путь возвращения к актуализации и значимости роли автора, поскольку выдвижение гипотезы невозможно помыслить без отсылки к автору и маркировки авторской позиции. Кроме того, стоит повторить, что использование такой нарративной структуры избавляет от постановки вопроса о соотношении формы и содержания. Ведь употреблением такого нарративного формата, как говорилось выше, автор (историк) говорит не о чуждом ему мире, а о своей собственной деятельности. С другой стороны, мы могли бы утверждать, что эксплицитность является, наверное, единственной характеристикой нарратора, которая могла бы соответствовать нормативам исследовательской деятельности. Любые иные тенденции антропоморфизации нарратора были бы чреватy опасной субъективизацией исторического дискурса.

Конечно, представленные выше размышления, скорее, набросок, а не исчерпывающая картина. Исходная цель заключалась в стремлении показать, как достижения нарратологии могут быть использованы в обычной работе историка, хотя мы отталкивались от тезиса, что продуктивное использование тех или иных тем нарратологии предполагает предварительное обсуждение вопросов, которые более относятся к компетенции философии истории. Было подчеркнуто, что наработки нарратологии могут быть использованы с целью как критики существующего исторического дискурса, так и возможности внести свой вклад в развитие исторического познания. В нарратологии аналогом такого подхода могут выступить симптоматическое и адаптивное чтение

(см. например: Abbot, 2002: 97–100). Было отмечено, что в общеметодологическом плане вклад нарратологии связывается с перспективой расширения пространства обсуждения исторических нарративов.

В качестве примера использования достижений нарратологии была взята тема нарратива как совокупности коммуникативных уровней, хотя применение слова «пример» является не совсем удачным. Лучше было бы сказать, что тема была выбрана, потому что она видится ключевой в рамках современного понимания природы исторического познания, а для конструктивистов — определяющей, поскольку установление надежности содержания того или иного исторического текста они связывают не с его соответствием т. н. «исторической реальности», а с его сопоставлением с другими историческими текстами. Нам показалось, что вопросы, касающиеся типологии нарраторов, в частности, с их открытостью (говорить от первого лица) или закрытостью (говорить от третьего лица), а также тему ненадежной наррации, следует считать приоритетными при определении того, какие достижения нарратологии стоит внедрить в первую очередь в культуру исторической работы.

Конечно, даже здесь вопрос не исчерпан. Выше уже отмечалось, что такой спорный среди самих нарратологов коммуникативный уровень, как фокализация, может найти свое применение в историческом дискурсе. За пределами анализа осталась фигура читателя, которая при современном переосмыслении темы истинности знания выходит на передний план как в нарратологии, так и в гуманитарном знании в целом. Отдельный и сам по себе интересный вопрос заключается в том, какие аспекты нарратологии проблематичны для применения в сфере познания в силу природы познавательной деятельности, ведь нетрудно заметить, что и по сей день существенная доля нарратологической тематики опирается на анализ художественной литературы. Нет нужды говорить, что пристального внимания заслуживает тема времени, поднятая в трудах Жерара Жюнетта, в частности, как именно могут быть использованы в анализе исторического дискурса такие аспекты времени, как длительность, порядок и частота (Жюнетт, Васильева и Гречанова, 1998: 69–180).

В заключение хотелось бы вернуться к философскому аспекту вопроса о перспективах нарратологии, то есть о возможности применения нарративного формата к определению специфичности исторического знания. В обсуждении этого вопроса оттолкнемся от современных (постмодернистских) установок, настаивающих на том, что рассуждать об

истории вне наших знаний о ней затруднительно. В контексте процитированных выше идей Флюдерник можем настаивать на правомерности использования нарративного формата для этих целей. Конечно, речь идет не о возвращении метанарративов. Полагаем, что для осмысления специфичности исторического знания наиболее уместно было бы использовать формат опыта, но не в смысле совокупности чувственных данных, а в смысле структуры, конституированной такими элементами, как цель — действия в соответствии с поставленной целью — столкновение с препятствиями — непредвиденные последствия действий. Не будем касаться здесь вопроса об аналогиях с гегелевскими рассуждениями о «хитрости разума». Не будем специально обосновывать возможность темпоральной растянутости такой структуры и выходе ее за пределы индивидуальных действий (например, «жизнь и смерть» культуры можно трактовать как исторический опыт). По этому поводу выше уже были приведены рассуждения Рикера о квази-событиях, и квази-интриге, и расширении понятия субъекта нарратива. Отметим лишь, что в эпистемологическом аспекте предпочтительность формата опыта заключается в том, что, с одной стороны, он повернут к нам, ибо только мы нуждаемся в нем, а с другой стороны — к источникам (реалист сказал бы, что к самому прошлому), ведь только тот, кто нуждается в опыте, а не в утешениях или восхвалениях, стремится к максимальной беспристрастности и полноте в их интерпретации.

Важно отметить, что формат опыта носит скорее имплицитный, чем эксплицитный характер и относится более к компетенции читателя. Предполагается, что он способен включить многообразие содержания конкретных статей и монографий в определенный формат, который был бы ответом на вопрос: «В чем смысл всей этой многообразной информации?» Можно назвать это процедурой связывания частей в целое. В свете тезиса о мировоззренческой ценности гуманитарного знания также можно было бы утверждать, что таким читателем должен быть не только член профессионального сообщества, а любой рационально мыслящий индивид, ведь знание о прошлом вполне оправданно считается частью идентичности современного человека.

ЛИТЕРАТУРА

Анкерсмит Ф. Нарративная логика : семантический анализ языка историков / под ред. Л. Б. Макеевой ; пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. — М. : Идея-Пресс, 2003.

- Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика : семантический анализ языка историков / пер. с фр., под ред. Г. К. Косикова. — М. : ИГ Прогресс, 2000. — С. 196–238.
- Барт Р.* Дискурс истории // Система моды : статьи по семиотике культуры / пер. с фр., под ред. С. Н. Зенкина. — М. : Изд.-во им. Сабашниковых, 2003. — С. 427–441.
- Женетт Ж.* Фигуры. В 2 т. Т. 2 / пер. с фр. Е. Васильевой, Е. Гречаной, И. Иткина. — М. : Изд.-во им. Сабашниковых, 1998.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания : избранные работы / пер. с англ. В. Садовского. — М. : Прогресс, 1983.
- Рикер П.* Время и рассказ. В 2 т. Т. 1 / под ред. С. Я. Левит ; пер. с фр. Т. В. Славко. — М. : Университетская книга, 1998.
- Шмид В.* Нарратология. — М. : Языки славянской культуры, 2003.
- Abbot P. H.* The Cambridge Introduction to Narrative. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
- Bevernage B.* Narrating Pasts for Peace? : A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through “Historical Dialogue” and “Shared History” // Ethos of History : Time and Responsibility / ed. by S. Helgesson, J. Svenungsson. — New York : Berghahn Books, 2018. — P. 76–80.
- Booth W.* Rhetoric of Fiction. — Chicago : University of Chicago Press, 1961.
- Burke P.* History of Events and the Revival of Narrative // The History and Narrative Reader / ed. by G. Roberts. — London : Routledge, 2001. — P. 308–315.
- Carr D.* Time, Narrative, and History. — Bloomington (Indiana) : Indiana University Press, 1991.
- Fludernik M.* Towards a “Natural” Narratology. — London : Routledge, 1996.
- Fulda D.* “Selective” History : Why and How “History” Depends on Readerly Narrativization, with the Wehrmacht Exhibition as an Example // Narratology Beyond Literary Criticism : Mediality, Disciplinarity / ed. by J. C. Meister, T. Kindt, W. Schernus. — Berlin : Walter de Gruyter, 2008. — P. 173–194.
- Gallie W. B.* Philosophy and Historical Understanding. — London : Chatto & Windus, 1964.
- Megill A.* Historical Knowledge, Historical Error : A Contemporary Guide to Practice. — Chicago : University of Chicago Press, 2007.
- Mink L. O.* Historical Understanding. — Ithaca (New York) : Cornell University Press, 1987.
- Nünning A. F.* Reconceptualizing Unreliable Narration : Synthesizing Cognitive and Rhetorical Approaches // Narrative Unreliability in the Twentieth-Century First-Person Novel / ed. by E. D’hoker, G. Martens. — Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co, 2005. — P. 89–107.
- Nünning A. F.* Reconceptualizing the Theory, History and Generic Scope of Unreliable Narration : Towards a Synthesis of Cognitive and Rhetorical Approaches //

- Narrative Unreliability in the Twentieth-Century First-Person Novel / ed. by E. D'hoker, G. Martens. — Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. — P. 29–76.
- Rimmon-Kenan S. Narrative Fiction : Contemporary Poetics. — London, New York : Routledge, 2002.
- Stone L. The Revival of Narrative : Reflections on a New Old History // Past and Present. — 1979. — No. 85. — P. 3–24.
- White H. Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History : Literary Form and Historical Understanding / ed. by R. Canary, H. Kozicki. — Madison : University of Wisconsin Press, 1978. — P. 41–62.
- Wyschogrod E. Representation, Narrative, and the Historian's Promise // The Ethics of History / ed. by D. Carr, T. R. Flynn, R. A. Makkreel. — Evanston, Illinois : Northwestern University Press, 2004. — P. 28–44.

Syrov, V. N. 2020. "Narrativ v istoricheskom poznanii [Narrative in Historical Knowledge]: o perspektivakh ispol'zovaniya narratologii [On the Prospects of Using Narratology]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (3), 113–135.

VASILII SYROV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR, PHILOSOPHICAL FACULTY OF THE TOMSK STATE UNIVERSITY (TOMSK, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-5498-4610

NARRATIVE IN HISTORICAL KNOWLEDGE

ON THE PROSPECTS OF USING NARRATOLOGY

Submitted: June 15, 2020. Reviewed: Aug. 14, 2020. Accepted: Sept. 11, 2020.

Abstract: The article discusses the possibility of applying narratology to historical knowledge. I suppose that such an approach will help to give a critical assessment to the use of various narrative structures and to identify the potential of narratology for the development of historical knowledge. I believe that for this aim historical narrative should be extended to the interpretation of any historical objects. It is also necessary to discuss the solution of old problems such as the relationship between history and literature and the relationship between narrative and "historical reality". I believe that their source is related to the epistemology of empiricism and leads to the use of a specific narrative format. Approaches to using narratology are discussed using the theory of communicative levels and the typology of narrators as an example. I believe the most typical historical narrative is the use of an implicit narrator. The role of the narrator is concretized as a discussion of the possibility of using an unreliable narration. The article shows the ways of its identification in historical narrative. I argue that the productive use of narratology requires the use of an explicit narrator figure and its interpretation as a necessary condition for creating a historical narrative.

Keywords: Historical Narrative, Narratology, Author, Narrator, Implicit Narrator, Unreliable Narration.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-113-135.

REFERENCES

- Abbot, P. H. 2002. *The Cambridge Introduction to Narrative*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ankersmit, F. R. 2003. *Narrativnaya logika [Narrative Logic]: semanticheskiiy analiz yazyka istorikov [A Semantic Analysis of the Historian's Language]* [in Russian]. Ed. by L. B. Makeyeva. Trans. from the English by O. Gavriushina and A. Oleynikov. Moskva [Moscow]: Ideya-Press.
- Barthes, R. 2000. "Vvedeniye v strukturnyy analiz povestvovatel'nykh tekstov [Introduction à l'analyse structurale des récits]" [in Russian]. In *Frantsuzskaya semiotika [French Semiotics]: semanticheskiiy analiz yazyka istorikov [From Structuralism to Poststructuralism]*, ed. and trans. from the French by G. K. Kosikov, 196–238. Moskva [Moscow]: IG Progress.
- . 2003. "Diskurs istorii [Le discours de l'histoire]" [in Russian]. In *Sistema mody [Le système de la mode]: stat'i po semiotike kul'tury [Essais de sémiologie de la culture]*, ed. and trans. from the French by S. N. Zenkin, 427–441. Moskva [Moscow]: Izd.-vo im. Sabashnikovykh.
- Bevernage, B. 2018. "Narrating Pasts for Peace?: A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through 'Historical Dialogue' and 'Shared History'." In *Ethos of History: Time and Responsibility*, ed. by St. Helgesson and J. Svenungsson, 76–80. New York: Berghahn Books.
- Booth, W. 1961. *Rhetoric of Fiction*. Chicago: University of Chicago Press.
- Burke, P. 2001. "History of Events and the Revival of Narrative." In *The History and Narrative Reader*, ed. by G. Roberts, 308–315. London: Routledge.
- Carr, D. 1991. *Time, Narrative, and History*. Bloomington (Indiana): Indiana University Press.
- Fludernik, M. 1996. *Towards a "Natural" Narratology*. London: Routledge.
- Fulda, D. 2008. "'Selective' History: Why and How 'History' Depends on Readerly Narrativization, with the Wehrmacht Exhibition as an Example." In *Narratology Beyond Literary Criticism: Mediality, Disciplinarity*, ed. by J. Ch. Meister, T. Kindt, and W. Schernus, 173–194. Berlin: Walter de Gruyter.
- Gallie, W. B. 1964. *Philosophy and Historical Understanding*. London: Chatto & Windus.
- Genette, G. 1998. [in Russian]. Vol. 2 of *Figury [Figures]*, trans. from the French by Ye. Vasil'yeva, Ye. Grechanova, and I. Itkin. 2 vols. Moskva [Moscow]: Izd.-vo im. Sabashnikovykh.
- Megill, A. 2007. *Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice*. Chicago: University of Chicago Press.
- Mink, L. O. 1987. *Historical Understanding*. Ithaca (New York): Cornell University Press.
- Nünning, A. F. 2005. "Reconceptualizing Unreliable Narration: Synthesizing Cognitive and Rhetorical Approaches." In D'hoker and Martens 2008, 89–107.
- . 2008. "Reconceptualizing the Theory, History and Generic Scope of Unreliable Narration: Towards a Synthesis of Cognitive and Rhetorical Approaches." In D'hoker and Martens 2008, 29–76.
- Popper, K. 1983. *Logika i rost nauchnogo znaniya [Logic and the Growth of Scientific Knowledge]: izbrannyye raboty [Selected Works]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Sadovskiy. Moskva [Moscow]: Progress.
- Ricoeur, P. 1998. [in Russian]. Vol. 1 of *Vremya i rasskaz [Temps et Récit]*, ed. by S. Ya. Levit, trans. from the French by T. V. Slavko. 2 vols. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya kniga.
- Rimmon-Kenan, Sh. 2002. *Narrative Fiction: Contemporary Poetics*. London and New York: Routledge.

- Shmid, V. 2003. *Narratologiya [Narratology]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Stone, L. 1979. "The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History." *Past and Present*, no. 85: 3–24.
- White, H. 1978. "Historical Text as Literary Artifact." In *The Writing of History : Literary Form and Historical Understanding*, ed. by R.H. Canary and H. Kozicki, 41–62. Madison: University of Wisconsin Press.
- Wyschogrod, E. 2004. "Representation, Narrative, and the Historian's Promise." In *The Ethics of History*, ed. by D. Carr, T. R. Flynn, and R. A. Makkreel, 28–44. Evanston and Illinois: Northwestern University Press.